

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л. И. Журова

Институт истории СО РАН, Новосибирск

«Наказания» в структуре Слов «Соборника» митрополита Даниила

Аннотация. В рукописном наследии митрополита Даниила «Соборник», составленный из 16 авторских Слов, занимает особое место. В нем отразились все специфические черты творчества писателя первой половины XVI в. В трехчастной структуре Слов «Соборника» исследователи выделяют третий раздел, озаглавленный Даниилом «Наказание». В данной статье оспариваются выводы В. Жмакина, Е. Голубинского о положении «Наказаний» (наказов) в структуре Слов Даниила. Обосновывается определение «Наказаний» Даниила как архипастырских наставлений, которые вместе с пастырскими поучениями являются модификациями жанра средневековой проповеди. Выявляются особенности повествования в «Наказаниях»: перлокутивность речи, мозаичность нравственных наставлений, связанность текста с другими разделами Слов Даниила, топика, типы и функции обращений, элементы строения.

Among Metropolitan Daniil's works the collection («Sobornik») which includes the author's 16 chapters («Words») occupies a special place. It shows all specific traits of the work of a writer of the first half of the 16th century. The «Words» of «Sobornik» have three-part structures, but the researchers mark out the third sections in them, which Daniil entitled «Nakazania» («Nakazy»), that means «admonitions». The present paper contests the conclusions of V. Zhmakin, and E. Golubinsky about the role of «Admonitions» in the structure of Daniil's works and substantiates the definition of Daniil's works as the pastor's admonitions which together with the pastor's precepts are modifications of the genre of a medieval sermon. Also, the paper reveals some features of the narration in «Admonitions», such as perlocution of language, mosaicity of moral admonitions, the affixion of the text's tie with the other sections of Daniil's «Words», changeless phrases, types and functions of address, composition elements.

Ключевые слова: митрополит Даниил, «Соборник», проповеднический дискурс, поучение, наставление, наказ, обращение, топика.

Metropolitan Daniil, «Sobornik», preacher's discourse, admonition, precept, address, changeless phrases.

УДК 821.16.1

Контактная информация: ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090; +7 (383) 330 36 71; zhurova@ngs.ru

Самым известным памятником творчества митрополита Даниила признан «Соборник», составленный самим автором из 16 обширных Слов. Все «главизны»

авторского свода имеют одинаковую трехчастную структуру. В первом разделе, «историческом», изложен предмет сочинения, как правило, в нем излагается тот или иной вопрос богословского характера. Второй раздел, «свидетельства», представляет собой выписки из библейских текстов, сочинений учителей Церкви и разнообразных жанров средневековой письменности, подобранные по заявленной теме. Исследователей XIX в. особо привлекал третий раздел Слов, названный Даниилом «Наказание» [Беляев, 1856, стлб. 207; Макарий, 1872, с. 188; Глебов, 1874, с. 138]. В характеристике «Наказаний» ими были отмечены в основном особенности содержания: «“Наказание”... состоит всегда из нравственных уроков, наставлений, обличений и т. п. Оно весьма редко находится в связи с главным предметом Слова и скорее и даже больше, чем первая может иметь самостоятельное значение. Наказание не отличается единством предмета и в своем собственном составе. Здесь можно встретить самые грозные обличения, рядом с которыми помещается похвала слушателям или читателям, а далее начинаются общие нравственные наставления, а иногда их место занимают целые перифразы текстов евангельских и апостольских» [Жмакин, 1881, с. 289].

Оценка Е. Е. Голубинского еще жестче: «...странны в словах митр. Даниила эти третьи их части, называемые “наказаниями”. Представляя собою обличительные пастырские поучения, они приклеены и приткнуты к словам большею частью ни с того, ни с сего, ни к селу, ни к городу и должны были бы составлять нечто совсем особое от них и отдельное» [Голубинский, 1997, с. 222]. В единственной на сегодняшний день публикации репрезентативного ряда трудов писателя [Жмакин, 1881, Отдел приложений, с. 1–37] именно «Наказаниями» представлено его оригинальное творчество.

Филологический анализ «Наказаний» позволяет внести коррективы в заключения исследователей. Нетрудно увидеть, что третья часть Слов Даниила соотнесена по смыслу и формальным элементам с предшествующими разделами сочинений. Связь первой, «исторической», части Слова и «Наказания» проходит на уровне логического содержания и внутреннего значения. Как правило, предметом изложения в первом разделе была богословская тема, и ею представлена официальная и церемониальная речь просветителя, на роль которого претендовал Даниил (замечу, что исследователи XIX в. и историки Церкви упрекали Даниила в невежественных представлениях о некоторых понятиях богословия). Рассуждения церковного писателя по догматическим вопросам (о ложных пророках, истинных учителях, крестном знамении, Крестной смерти, Боговоплощении и др.) большей частью традиционны. Даниил здесь не сказал ничего нового. Но, изложенные в первой части Слов Даниила, они служили мотивирующей основой для пастырского наставления митрополита. Иначе говоря, «Наказания» были порождены богословской темой и стали в проповеднической практике митрополита производным текстом. Замысел трудов Даниила также обусловлен рецепцией евангельского текста и святоотеческой литературы, выписки из которых собраны им в «свидетельствах».

Свои «Наказания» Даниил подстраивает под наставления учеников Христа и учителей Церкви: «Повинемся убо божественному гласу и святых апостоль, и богоносных отец наказанию, да отбѣгнемъ лъжеименнаго и вреднаго разума же и мудрования, и присвоимся истиннѣ почерпающе, насыщающе и напаяюще себе и другъ друга» – пишет он в «Слове о лжепророках» (Слово 1)¹.

В. Жмакин настаивал на том, чтобы считать «Наказания» самостоятельными произведениями. Даже признавая в ряде глав «Соборника» (Слова 6, 8, 10, 12) зависимость третьей части от предшествующих разделов Слов («исторического»

¹ Текст цитируется по рукописи РГБ. Ф. 173. Собр. МДА/1, № 197. Л. 39 об. – 40. Далее листы указаны в круглых скобках.

и «свидетельств»), исследователь все-таки предлагал считать «Наказания» отдельными сочинениями. Нельзя согласиться с таким выводом уже потому, что Даниил в начале текста «Наказаний» часто указывал на их связанность со второй частью Слов, «свидетельствами». Так, в десяти Словах «Соборника» из шестнадцати «Наказания» начинаются с ремарки: «Сиа в малѣ к любви вашей потрудивъшеся, събрахом от Божественных Писании, принесем же в малѣ нѣчто глаголь и о пастырѣхъ...» (Слово 2, л. 53); «До здѣ яже събрах свѣдѣтельства Божественных Писании в симѣ Словѣ въ ползу себѣ же и искреним, да не яко же нѣции, прелщающесе и прелщаеми от своеа похоти, приносят свѣдѣтелство вину безсловесну и, не вѣдомѣ Божественая, развращают Писания» (Слово 3, л. 92); «Сиа вся, яже до здѣ, събрахъ от Божественных Писании любви вашей, о богомудрии» (Слово 5, л. 201 об.); «Сиа събрахом от Божественных Писании къ утверженію любви вашей и моему окаянству, възлюбленію» (Слово 9, л. 330 об.) и др.

Такие устойчивые повторяющиеся фразы заняли сильную позицию начала текста. Сохранив единый план выражения, они приобрели вид литературной формулы и стали топиной «Наказаний» [Руди, 2006, с. 432]². Элементами содержания следует признать указания на собирательский труд автора («събрахом от Божественных Писаний») и на цель высказывания – для пользы и любви («въ ползу себѣ же и искреним», «къ утверженію любви вашей»).

В другой группе Слов «Соборника» (в нее вошли шесть сочинений) эти ситуативные клише опущены, но «Наказания» при этом скоррелированы как с «исторической» частью, так и со «свидетельствами». Например, «Наказание» Слова 6 «О Крестной смерти» содержательно и текстуально связано с первой и второй частями текста. Ключевая цитата «Не познавшаго грѣха грѣх за ны сътвори» (2 Кор 5:21), вынесенная в заглавие сочинения и ставшая семантической доминантой текста, прошла через все произведение Даниила, определила внутреннюю его форму и послужила «внутренней рифмой» инкорпорированного повествования [Журова, 2014, с. 142]. «Наказание» Слова 6 связано с двумя другими составными частями Слова 6 мотивом «поносной смерти», прозвучавшим в многократных повторах в разных частях главы словосочетаний: «проклятою и поносною смертию умертвися» (л. 213 об.) «безчестную, и поносную, и проклятую претерпѣ смерть» (л. 215) и др. Подобные примеры смысловой и текстуальной связи «Наказаний» с «исторической» частью и «свидетельствами» можно привести из других «главизн» «Соборника». Совершенно очевидно, что интенция автора направлена на системное изложение.

«Наказание» Слова «О премудрости Вочеловечения» (Слово 7) также не содержит связки со «свидетельствами», т. е. здесь нет слов о собирании слов от Божественных Писаний. Слово 7 посвящено теме мудрости Боговоплощения и «преухитрения» дьявола, искушавшего Христа. Жмакин упрекал Даниила в односторонности, неточности изложения учения о Премудрости Божией, и главное его «человекообразности» [1881, с. 352]. Надо сказать, что «человекообразность» в наставлениях Даниила является чуть ли не самой отличительной чертой его стиля. Она обусловлена стремлением автора быть ближе к читателю и слушателю. Исследователь XIX в. в целом невысоко оценил и «Наказание» Слова 7: «Третья часть седьмого слова, написанная вполне в духе церковного поучения и не связанная нисколько с общим предметом слова, состоит из разных отдельных нравственных наставлений, в свою очередь мало связанных друг с другом» [Там же, с. 351]. Нельзя принять этот вывод В. Жмакина. Так, в «Наказании» есть прямая отсылка к теме проповеди («Вѣруим смотренію Господня Вѣчеловѣченія...»),

² В установлении топоса опираюсь на определение Т. Р. Руди: «топосом может быть любой повторяющийся элемент текста (художественная константа) – от литературной формулы до мотива или сюжета».

заявленной в названии («О премудрости смотрения Господня Въчеловѣченіа...») и развернутой в первой части сочинения.

«Общий предмет» служил Даниилу продуцирующей основой для его пастырского наставления. Примеры тому можно привести из многих Слов «Соборника». Замысел «Наказаний» порожден авторской рецепцией Священного Писания, которое было предметом повествования в первых двух частях Слов Даниила, и текст их третьей части, безусловно, с ними сопряжен.

Даниил назвал третью часть своего сочинения «Наказанием», обозначив тем самым ее жанровую природу. Научная задача состоит в том, чтобы установить и описать признаки этого жанра. Подзаголовок – «Наказание» – во всех рукописях выведен киноварью, что говорит об особом статусе третьей части Слова проповедника. «Наказания» представлены разными по объему текстами. Так, в Слове 3 «О соблюдении церковных преданий» собственно «Наказание» состоит из четырех фраз, а в Слове 8 «О послушании властям» оно довольно пространное (пять листов с оборотом). Этот факт указывает на отсутствие каких-либо норм в изложении наказов митрополита. Трудно вывести некую единую модель повествования в «Наказаниях», хотя отдельные элементы (зачин, концовка, повторы) довольно устойчивы. В «Наказаниях» Даниил ведет свободную личную беседу со своими читателями, пасомыми. Присутствие автора ощущается во всем пространстве текста, на всех его уровнях (смысловом, стилистическом, риторическом), и эта особенность отличает «Наказание», например, от церковной проповеди, где оратор стремился минимизировать свое участие [Шмеман, 2006, с. 267]. В целом «Наказания» необходимо рассматривать в системе проповеднического дискурса митрополита, что составляет перспективную задачу исследования.

«Наказание», «поучение», «беседа», «слово» относят к разновидностям проповеди, которую Л. В. Левшун предлагает рассматривать не как «жанр, а жанровую ассоциацию, объединяющую многие жанровые модификации “речи иерея к пастве”» [2009, с. 194]. Поучение и наказание, являющиеся такими модификациями, необходимо, как показывает анализ текстов Даниила, дифференцировать. Точнее представить многообразие системы проповеднической литературы – одна из исследовательских задач.

В. Жмакин называл «Наказание» пастырским поучением. Но в рукописном наследии Даниила есть тексты, определенные как поучения³. Описание их основных признаков – тема другой статьи. Для «Наказания» изберем дефиницию «архипастырское наставление», которая точнее отражает природу жанра третьей части «Соборника» русского митрополита. Цель такого наставления – дать практические советы человеку, как следует жить в быту согласно вере, каковы нормы его христианского поведения.

Исследователи XIX в. писали о том, что основное содержание «Наказаний» составили нравственные наставления пастве, человеку православному. Они же отмечали несистемный, бессвязный характер изложения. На самом же деле авторские указы можно представить как мозаику, а разнообразие советов и пожеланий архипастыря расценить как имманентную черту «Наказаний». Само понятие «наказы» располагает к их множественности. «Несвязанность» рассуждений Даниила, в чем упрекали писателя исследователи, можно расценить как свободу повествования, обусловленную позицией писателя, который находился на пути становления авторского самосознания. Так, в одном тексте Даниил может касаться разных вопросов: соблюдение церковных преданий, любовь к Богу, посещение храмов, скоротечность жизни, хищничество, насилие (Слово 11 «Об умирающих младенцах»), призыв к исполнению заповедей, терпение, пьянство, увлечение

³ Поучение Даниила, митрополита всея Руси // БЛДР. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2000. С. 360–372.

игрищами, страсть к пересудам (Слово 12 «О соблюдении обещаний во святом крещении»); снисходительность к нищим, мздоимство, критика роскоши и праздности, брдобритие, богатство сапог, чрезмерная забота о псах, наставления мужьям, отцам и детям (Слово 13 «Что есть мир») и др. Такие наборы советов укладываются в логику пастырских нравоучений. Как видим, начинает Даниил свой текст обычно с «высокой» темы богословского содержания, а затем переходит к бытовым вопросам жизни человека. Такая же последовательность выдержана в композиции всего «Сборника»: первые 8 глав посвящены изложению догматических вопросов: о ложных и истинных учителях, крестном знамении, Крестной смерти, Боговоплощении (Слова 1–8), другая половина авторского свода наполнена темами о грехе осуждения, клевете, умирающих младенцах, соблюдении обещаний во святом крещении, о неразлучении мужа и жены, о втором браке (Слова 9–16). В «Наказаниях» же Даниил рассуждал о жизни, быте и нравах русского общества XVI в. и давал наставления всякому человеку, живущему в миру. «Что есть миръ? Плищъ, молва, лукавства, зависть, вражда, горесть, сокровенна въ сладости, якоже удица сокровенна въ червви, прелесть потаенна в веселии жития сего, страсть къ мимотекущим, лицемѣрие, неправда, грѣхъ», – писал он в Слове 13. Свою задачу проповедник видел в том, чтобы оберечь человека от порока. Его наставления по содержанию однообразны (о покаянии, умеренности в пище и одежде, ограничении развлечений, праздности, зависти, лукавстве и др.), но по выражению они чрезвычайно разнообразны и неповторимы. Даниил – мастер вариаций, и тексты «Наказаний» – тому доказательства. При единой интенции (пастырское наставление), при сходстве тем (соблюдение заповедей, исправление грешников), повторяемости мотивов «Наказания» отличаются множеством высказываний: об одном и том же Даниил может повествовать искренне, увлекательно и разными словами. Даниил отступал от нормативности стиля и жанрового образа автора, тем самым приближая переход русской словесности от средневековой традиции к литературе Нового времени.

Базовым мотивом в «Сборнике» следует признать наставление о пастырском долге, которое Даниил преподносит с позиции митрополита. Повторяющаяся в нескольких главах авторского сборника фраза о сохранении «словесныхъ овецъ отъ псовъ и свинеи, отъ ложныхъ пророк и ложныхъ учителей», порожденная евангелическим текстом, служит концептом этого мотива. Устойчивая семантика и риторика выражения позволяет отнести его к топосу авторского повествования. Смысл словесной формулы пронизывает обесуждения самых разных предметов в учительной речи митрополита. Неслучайно Даниил открывает свой сборник сочинений темой лжеучителей (Слово 1) и истинных учителей (Слово 2). Она служит завязкой всего драматургического действия, которое разворачивается в текстовом многофигурном пространстве авторского свода.

Наставления Даниила пастырю мотивированы непростой ситуацией, сложившейся на Руси XVI в., отношений священника и общества. В. Жмакин писал: «Положение пастырства находилось в невыгодных условиях вследствие уклонения самих пастырей от исполнения своего прямого долга, когда они более внимания сосредоточивали на материальных выгодах, какие давало им служение, чем на своих духовно-нравственных обязанностях... С другой стороны, само общество не было приучено ценить заслуги и деятельность своих пастырей. Ревностные пастыри... наживали себе много врагов и неприятностей в жизни. На их обличения смотрели как на личные оскорбления и соответственно этому и относились к ним» [1881, с. 613]. В Слове 1 «О лживых пророках» Даниил, дав традиционную характеристику лжеучений и лжеучителей, определяет правила поведения пастыря: «Аще же и нетлѣнную ризу съвлечет, юже святымъ крещениемъ приаль есть, и ты облѣци его, и се уже алчнаго накормилъ еси, и жаднаго напоилъ еси, и нагаго одѣль еси. Посети же и болнаго, изнемогающаго... Прииди же и къ затво-

рѣному в темници и просвѣти его светом, поучениемъ божественныхъ словесъ» (л. 40). В пример митрополит ставит апостолов и святых отцов, которые проповедовали слово Божие, и многие за это приняли мученическую смерть, «но слово Божие паче растяше и распространяшея по вселѣнней» (л. 41). Продолжая рассуждения о пастырстве в «Слове об истинныхъ учителяхъ» (Слово 2), Даниил сформулировал кодекс пастыря: «пастырь поставляется иныхъ невѣдѣнія и нечювьствіа исправляти, и заступати, и стрещи, и бесовскыя рати грядущія провъзвѣщати» (Слово 2, л. 53 об.). В «Наказании» Слова 5 «О Боговоплощении» снова звучит тема пастырского долга: «Сиа бо дѣла паче всѣхъ дѣлъ пастырю имѣти лѣпо есть еже учити, и наказати, и свѣтовати и обращати на благаа, и запрѣщати, и възбраняти от злаго, и никакоже о сихъ ленитися, или стыдѣтися, но всяко о семъ тцание и подвигъ показати еже промышляти и пещися о всѣхъ» (Слово 5, л. 202 – 202 об.).

Решение задачи пастырского служения традиционно, и Даниил видит его в пропаганде бесед от святыхъ Писаний («Благыя убо бесѣды от святыхъ Писаний... възбуждають душу къ животу и искорѣнвають страсти и успиваютъ скверныя помыслы паче всякыя добродетели») и предупреждении о вреде злыхъ слов («Злыя же бесѣды темень сътворяють умъ и растлѣвають обычаа благаа») (Слово 1, л. 38 об. – 39). Суть наставлений Даниила состоит в желании убедить пастыря в том, что нужно не просто прочитатъ Божественное Писание, а очень потрудитися в правильномъ его понимании и жить согласно ему. Но и «пасомыхъ же дѣло есть еже повиноватися въ всѣмъ пастырю о Господѣ» (Слово 5, л. 202 об.). Таким образом, мотив пастырского долга становится «общимъ знаменателемъ» к многочисленнымъ разнымъ темамъ («числительнымъ») Словъ «Соборника».

Свою роль Даниил видел в церковномъ просвещении и воспитании. Ее исполнение митрополит начинаетъ с самоуничжительной формулы, такой этикетъ поведения и этикетъ словесный хорошо известен в нормативной поэтике древнерусской литературы [Лихачев, 1979, с. 90]. «Наказание» Слова «О лжепророкахъ» (Слово 1) практически открывается словами: «Яко же увѣща мя любовь ваша, и яко не имѣа никое же мудрование, яко же и есмь и невѣжда, и поселянинь, но, яже от Божественныхъ Писаний събравъ, написахъ любви вашей» (л. 38). Более развернутые формулы помещены в Слово 4 «О крестномъ знаменіи и поклоненіи на востокъ»: «Азь бо от многихъ пліщеи и попеченіи украдаемъ, жизнь свою в лености изгубихъ и ни едино дѣло благо сътворихъ, точию мало нѣчто прочтохъ Божественнаа Писания, и от сихъ себѣ и другимъ въспомінахъ, и глаголахъ, и писахъ» (л. 115 об.) и в Слово 8 «О послушаніи властямъ»: «и паки бесѣдную любви вашей, елико възмогаю по худости своеи. Въмь бо, яко от великиа ваша духовныя любви яже къ моеи худости, яко и худая, и неразумная моя немованія приемлете и не зазираете, аще и скудно, и ненарочито, и нехитрословно есть, но духовно и полезно есть хотящимъ спастися» (л. 271 об.). Для публицистики умаление достоинствъ автора мало характерно. Здесь же Даниилъ прибегаетъ к ней для того, чтобы показать, какимъ должно быть отношеніе к Божественному Писанию, и оправдать свои наставленія. Функция этихъ устойчивыхъ выражений состоитъ также в том, чтобы организовать общеніе автора и читателя, создать ситуацию доверительного разговора наставника и паствы. Даниилъ избираетъ наставленіе в формѣ беседы («беседы беседемъ» пишетъ он в Слово 16), при этомъ общеніе не исключаетъ иронической интонации или сатирическаго обличенія.

«Наказанія» Даниила носили перлокутивный характер: задача пастырской речи в первую очередь состояла в том, чтобы подчинить собеседника своей воле, убедить его в своемъ мненіи. Прагматичного и художественного эффекта Даниил достигалъ с помощью системы приемовъ. Однимъ из нихъ было обращеніе. Будучи сильной фигурой в искусствѣ красноречія, оно создавало иллюзию беседы. Ведущіе функции обращеній в средневековой публицистикѣ – фатическая (контак-

тоустанавливающая) и апеллятивная (воздействующая на адресата). В Словах Даниила преобладают апеллятивы. Обозначая разных лиц, они приобретают статус именования, и поле именований у писателя довольно широкое. Выбор обращения у Даниила зависел не столько от ситуации общения (она была единообразна), сколько от типов участников общения, имеющих разный пол, возраст, социальный статус, род деятельности. Чтобы быть услышанным каждым, Даниил использует прием социальной персонализации адресата-читателя. Например, в Слове 5: «Юнь ли еси, паче прилѣжно внимаи... Старь ли еси, – много паче внимаи... Вдовець ли еси или паче же вдовица, не люби утѣшатися и дрочитися... Инокъ ли еси, внимаи... Все убо купно внимаемъ, и старии, и юнии, и раби, и свободнии, възримъ на будущаа, приготавимъ путешественаа...» (л. 203 об.). Характер отношений между автором и читателем в «Наказаниях» Даниила односложен: это отношения учителя и ученика, пастыря и пасомых. Ораторское искусство Даниила проявилось в разнообразии апеллятивов. Наряду с именными формами: «братие», «братие и чада», «възлюбленнии», «богомудрии», «любимицы» – автор использует обращения с местоименным апеллятивом «мы», который способствовал сближению, если не отождествлению, автора и адресата. За обращением к персонажу на «ты», как правило, стоит упрек митрополита всякому маловеющему и сомневающемуся: «Ты же пастыря презираеши и ни въ что же полагаеши» (л. 203) – или еретика: «Ты же реченная басни мниши, ибо нечувственъ еси, похабень еси...» (Слово 8, л. 203 об.). Исключительный пример задушевности разговора находим в Слове 15 «О неразлучении мужа и жены»: «вамъ молюся, вы моя радость, вы моя сладость, вы моя слава, вы моя честь, вы мое богатство» (л. 485).

Таким образом, ситуативное функционирование обращений составляет одну из примечательных особенностей архипастырской речи Даниила. Оно поддерживает драматургию общения автора и читателя.

Заключительным аккордом в наказательной речи Даниила звучал призыв к покаянию. Так, Слово 5 заканчивается словами: «Сиа слышаще, потщимся на благаа, да не на осужение будут намъ реченнаа. Почто не плачемъ, яко много съгрѣшихом? Что яко несмысленнии младенци утѣшаемъ, и дрочимъ, и смѣемъ? Почто небрежемъ о цѣломудрии и чистотѣ и о прочемъ благоразумии дѣтеи нашихъ?..» (л. 202 об. – 203). Экспрессивно-эмоциональный пафос концовки Слова – нормативный элемент строения речи Даниила. Пример тому видим в «Наказании» Слова 6 «О Крестной смерти»:

1. «Благодаримъ Владыку Христа, възлюбленнии!..
2. Възлюбимъ Възлюбльшаго нас!
3. Умремъ о Умершемъ нас!
4. Възлюбимъ другъ друга!
5. Очистимъ себе отъ всякыя скверны плоти и духа!
6. Принесемъ Христу Богу нашему дѣла благаа съ страхомъ и благоговѣниемъ: вѣру, любовь, братолюбие, упование, терпѣние, смирение, кротость, съкрушение сердца, умиление, слезы, съвесть очищену!
7. Поработаимъ Господеви, дондеже время имама!» (л. 214 об. – 215).

Благодарственно-клятвенная тональность построена на акцентировании предиката, поставленного в сильную позицию начала фразы. Синтаксический параллелизм управляет всем сегментом финала речи, придавая ей ритмизированную форму и выразительность метрической структуры. Жесткая парадигма первых четырех фраз, выдержанная в трехударном ритме, сменяется плавностью пятой и шестой фраз, в которых сформулирована программа поведения православного, собственно нравственный кодекс. Интонационное варьирование придает всему авторскому высказыванию разнообразие эмоциональной окрашенности, что чрезвычайно важно для восприятия пастырского наставления.

О сильной потенции «Наказаний» в составе Слов говорит тот факт, что в главах, помещенных во второй половине «Соборника» Даниила, происходило вытеснение или замещение «исторического» аспекта повествования наказательной речью, а «Наказания» в свою очередь могли вбирать в себя приемы «исторического» повествования. Так, тональность беседы, моральные сентенции, обращения – имманентные черты текста «Наказания» – встречаем в первой, «исторической», части Слова 9 «Не судите, да не судимы будете». Слово 10 «О несотворении зла и духовной любви» начинается с бытовой зарисовки: «Вчера и днесь повари въ поварню стекаются и сию украшают, и свиты измѣняют, и руцѣ простирают, и лысты укрѣпляют, и ножи острят, и дрова накладывают, и огонь въжигают, и котлы наставляют, сковрады и горнцы поставляют – к насыщению чрева пищу готовят. И сими наслаждается и укрѣпляется тѣло и потом къ истлѣнию сводится, точно нынѣшнюю нашу жизнь съдержатъ брашна и питаа...» (л. 333 об.). Такая картинка больше характерна для наказательной речи, чем для изложения богословского догмата. Рассуждения о бренной и духовной пище составляют содержание первой части, и заканчиваются они в «Наказании» темой духовной любви, ярким проповедником которой Жмакин считал митрополита Даниила [Жмакин, 1881, с. 605]. В Слове 10 наиболее ощутимо единство первой и третьей его частей. Обычно именно в «историческом» разделе, где излагается та или иная богословская тема, Даниил приводит множество библейских цитат. Но в Слове 10 большое их количество (1 Кор 2:9, 1 Ин 4:19–21, 1 Ин 4:12, 1 Ин 3:15, 1 Кор 12:31, 1 Кор. 13:1–13, 1 Кор. 14:1, 1 Ин 4:16, Ин 13:35, Ин 15:17, Ин 14:21) приходится именно на «Наказание», что не привычно для сложившейся в «Соборнике» практики повествования в третьей части Слова. Это и другие наблюдения указывают на динамичность структурных отношений между частями сочинения в своде трудов Даниила и на продуцирующую роль в них «Наказаний».

Список литературы

- Беляев И. Д.* Даниил митрополит Московский // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1856. Т. 5, вып. 4.
- Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1997. Т. 2. Период 2. Вторая половина тома.
- [*Глебов В.*] «Даниил, московский митрополит, как проповедник» // Рязанские епархиальные ведомости. 1874. № 6. Прибавления.
- Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
- Журова Л. И.* «Слово о Крестной смерти» митрополита Даниила и традиция учительной литературы // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск, 2014.
- Левшун Л. В.* О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск, 2009.
- Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Макарий (Булгаков).* Сочинения московского митрополита Даниила // Христианские чтения. 1872. № 10.
- Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57.
- Шмеман А., прот.* Литургическое богословие. СПб., 2006.